

А. В. Дружинин

Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения

Дружинин А. В. Литературная критика / Составление, подготовка текста и вступительная статья Н. Н. Скатова; Примеч. В. А. Котельникова. - М.: Сов. Россия, 1983. (Б-ка рус. критики).

OCR Бычков М.Н.

Упорствуя, волнуясь и спеша,
Ты быстро шел к одной высокой цели!
Н. Некрасов

Во второй половине прошлого столетия в Лондоне в одно из представлений Шекспирова "Ричарда III" великий Гаррик играл с необычайным одушевлением и успехом, редким даже для Гаррика. Публика непрерывно переходила от громовых рукоплесканий к тому глубокому, душу возбуждающему молчанию, которое для великих трагиков считается выше всех шумных признаков общего одобрения. Во все время спектакля один только молодой лорд, бледный и, очевидно, одержимый неизлечимым сплином, произносил отрывистые слова, не совсем согласные с общим настроением духа в его соседях. Эти слова были: "Жалко... очень жалко... чрезвычайно жалко!" Наконец кто-то из зрителей, всех ближе сидевший к молодому человеку, спросил его: "Да о чем же вы жалеете?" - "Я жалею о том, - ответил печальный господин, - что от всего этого высокого гения чрез тридцать лет не останется ровно ничего, кроме имени Гаррика!"

Участь знаменитых журналистов и критиков во многом сходствует с участью гениальных актеров, с той только разницей, что, благодаря обычаю критиков нашего времени, не выставляющих своих имен под статьями, сами имена их иногда не переходят к будущим поколениям. Правда, статьи могут быть собраны, напечатаны вновь, разъяснены, изданы большою книгою - но встретят ли эти *disiecta membra poetae* {букв.: разрозненные части поэта (*лат.*)} через одно и два поколения то сочувствие, с которым встречали их современники знаменитого деятеля. Возбудят ли они хоть десятую долю того восхищения, того раздражения, тех споров, тех убеждений, которыми бывало приветствовался их первый выход. Нет, такого результата и самый великий критик произвести не в состоянии. Слава поэтов, им прославленных, будет беспрепятственно расти и расширяться, между тем как его собственная слава станет улетучиваться и меркнуть. Благодаря его критическому такту, благодаря его страстному слову, имена писателей второстепенных останутся и могут быть любимы новыми поколениями, но его собственное имя от того нисколько не выиграет. Историки словесности, знатоки литературы своего края воздадут усопшему ценителю похвалою, которая, может быть, со временем перейдет в школьные учебники, и, через пятьдесят лет после смерти критика, мальчики будут выдерживать какую-нибудь фразу о том, что такой-то благородный деятель во многом содействовал к просвещению читателей старого времени. Тем все дело кончится, и оно не может кончиться иначе; оно даже не должно кончиться иначе, ибо известный литературный ценитель, учитель известного литературного поколения, никак не будет учителем поколений последующих. Всякий год приносит за собой новую идею, всякий период народной жизни приводит с собою людей, его разумеющих. Новые художники порождают новых ценителей, и тот ценитель, который, не смея быть новым, станет робко повторять выводы своего предшественника, вдастся в литературный фетишизм, как бы даровит ни был сошедший со сцены человек, им выбранный вместо кумира. Карлик, взобравшийся на плечи великана, видит далее, чем видел тот, у кого он сидит на плечах. Если он станет не признавать и уничтожать того, через кого он видит так далеко, позор падет на его собственную голову. Но если он нарочно станет гнущься и умалять горизонт своего зрения, всякий будет вправе сделать такой вопрос: "Для чего же ты, маленький человек, взобрался так высоко?"

Во всем, что мы говорим в настоящую минуту, нет ничего горестного для критиков, разумеющих свою деятельность. Точно, для литературного ценителя, даже гениального, невозможна слава Гомера и Шекспира, недоступна даже светлая известность Пушкина и Гоголя. Истинный критик, подобно Давиду Гаррику, есть деятель своего поколения, источник нескольких благотворных преданий для потомства. Ему дано великое могущество, но срок этого могущества не долог. Поколения, еще не родившиеся, не станут плакать над его страницами, но зато поколение, живущее с ним вместе, будет полно его идеями и его стремлениями. В этом его сила и слабость, в этом все его существо, все его значение. Он должен трудиться для потомства, думать о вековых законах искусства и науки, но все-таки ему нельзя забыть, что его деятельность есть посредственная, а не непосредственная, что он свершает свое назначение, просвещая своих собратий, что он, двигая вперед просвещение, готовит себе будущих судей, в скором времени имеющих обратить его самого в лицо подсудимое. Его поле действия - умы современников, его